

В вино, помимо пряностей, вложив
Снотворных трав и опия из Фив,⁸⁰
Что до утра, не чуя ничего,
Тот крепко спал, как ни трясли его.
Бежал он, под собой не слыша ног.
Ночь коротка, и день уж недалек,
И надобно прибежище найти.
Вот в рощицу, в сторонке от пути,
Вступает робким шагом Паламон.
Сказать вам вкратце, собирался он
Весь день скрываться в роще как-нибудь,
А ночью снова продолжать свой путь
До града Фив и там просить свой род
Против Тезея двинуться в поход.
Он был намерен честно пасть в бою
Иль в жены взять Эмилию свою.
Вот – мысль его, ее легко понять...
Но я к Арсите возвращусь опять...
Не знал Арсита, как близка забота,
Пока к Фортуне не попал в тенета.
Вот жаворонок, шустрый вестник дня,
Зарю встречает, трелями звеня.
И так прекрасно всходит бог на небо,
Что весь восток ликует, видя Феба,
И сушит пламенем красы своей
Серебряные капли меж ветвей.
Как я сказал, тем временем Арсита,
Что первым сквайром был придворной свиты,
Проснулся; светлый день его влечет;
Он хочет маю оказать почет.
И, вспомнив о своей любимой даме,
На скакуна вскочил он, что, как пламя,
Был резв, и поскакал по мураве
Прочь от двора на милю или две.
К дубраве той, о коей шел рассказ,
Случайно он направился как раз,
Чтоб, если ива, жимолость там есть,
Из них гирлянду в честь любимой сплести.
Он встретил солнце песнею живой:
«О светлый май с цветами и листвою!
Привет тебе, прекрасный, свежий май!
Мне свежих листьев для гирлянды дай!»
С веселою душой с коня он слез
И быстрым шагом углубился в лес.
Бродя по чаще, он пришел на тропку,
Где бедный Паламон скрывался робко
От глаз людских, таясь в густых кустах:
Силен был в нем безвинной смерти страх.
Он про Арситу знать всего не мог,
А знал бы, не поверил – видит бог.
Но поговорку старую послушай:
У поля есть глаза, у леса – уши.

---

⁸⁰ Здесь: Фивы египетские.